

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Было серенькое, пасмурное утро. Бездонная мгла застилала все небо, не пропуская ни одного солнечного луча.

Окно моей комнаты выходило на немощеную песчаную улицу весьма пустынного вида, по которой только кружились давно знакомые мне собаки да торчал знакомый полицейский на углу. Я сел было писать, но мне не работалось, было скучно. Перо вываливалось из рук, и я незаметно очутился на кушетке, служившей мне постелью. Я мог так пролежать целый день, предаваясь бессвязным, бессознательным мыслям и решительно не желая какой-либо помехи этому занятию. Менее всего я был расположен разговаривать с кем бы то ни было.

В это время дверь моей комнаты приотворилась, и в нее просунулось маленькое, сморщенное лицо "бабушки", как называли все старуху, стряпавшую в кухне. Она была маленькая, сухонькая и неумолимая, смотрела на мир жизнерадостными глазами и, хотя ей было семьдесят лет, любила порой посидеть в компании, поплясать и попеть песенки. Она приходилась какой-то дальней родственницей квартирной хозяйке.

- Пишете? - спросила она меня.

С этим вопросом всегда заглядывали в мою дверь все они: бабушка, и квартирная хозяйка, которой я был должен, и хозяйкина дочь-невеста, целый день проводившая в том, что расчесывала перед зеркалом свои белые, замечательно длинные и густые волосы, - и если видели меня не пишущим, то укоризненно качали головами.

- А у нас нынче свадьба в кухне будет, - сообщила мне бабушка, - вот бы вам описать, сколько бы смеху-то было.

Меня совсем не интересовала свадьба в кухне, но, чтобы не оскорбить бабушку невниманием, я спросил:

- Какая свадьба?

- Как же? Чай, Кузьма женится.

- Ну?

- Женится. Слава богу, уж все слажено и рукобיתье было.

Бабушка стала рассказывать мне о "рукобיתье".

Кузьма был еще довольно молодой мужик, квартировавший в кухне. Он недавно овдовел и жил там с четырехлетней дочерью, симпатичным ласковым ребенком с бледным личиком и голубыми печальными глазками. Овдовел Кузьма в деревне, а в город переселился недавно по случаю голода и поступил куда-то на завод за шестнадцать рублей жалованья. Скудость такого заработка нисколько не останавливала его от мысли о новой женитьбе: напротив, вдовое положение до такой степени угнетало его душу, что, помню, на первый день пасхи он, напившись пьяным еще до обедни, навзрыд плакал в кухне о том, что у всех праздник, а у него "без бабы" нет праздника.

Но ему не везло в сватовстве; дело в том, что Кузьма был феноменально безобразен: он был сутулый, неуклюжий, имел рыжие волосы, грубый голос, смотрел, как волк, исподлобья, а его громадный, длинный нос и широкий, лягушачий рот с толстыми губами и кривыми желтыми клыками внушали невольный страх и отвращение.

Характера он был мрачного и злого, ни на кого не глядел прямо, почти не разговаривал, девочку свою никогда не ласкал, был подозрителен и скуп.

Ему отказали уже две невесты. Каждый раз сватовство начиналось как бы удачно: по голодному времени родные были рады скачать с шеи девушку кому попало, но чем ближе становился день венчанья, тем более возрастало отвращение невесты к безобразному и мрачному жениху. Да и какие невесты! Последняя невеста, отказавшая ему, была простая нищенка, ходившая под окнами собирать милостыню, но и та уперлась и не пошла за него.

Тем не менее свахи, в числе которых действовала и наша бабушка, не унывали и наконец сосватали ему третью невесту.

Вечером предполагалась свадьба в мещанско-деревенском духе. Вместо того чтобы, по мысли бабушки, присутствовать на этой свадьбе и описать ее, я решил на весь вечер уйти куда-нибудь.

Дверь снова приотворилась: заглянула сама почтенная хозяйка, солидная женщина с благодушным лицом. На этот раз лицо ее было негодующее.

- Не пишете? - строго спросила она и затем, покачав головой, встала